

СЛОВО,

произнесенное въ Кіево-Братскомъ монастырѣ въ великій
пятокъ предъ плащаницею.

*Не суть совѣти мои якоже
совѣти ваши, ниже якоже путіе
ваши путіе мои, глаголетъ Господь.
Но якоже отстоитъ небо отъ
земли, тако отстоитъ путь мой
отъ путей вашихъ, и помысленія
ваша отъ мысли моея (Исаіа 55,
8—9).*

Обозрѣвая широкое поле человѣческой жизни, не приходилось ли вамъ, братіе, въ недоумѣніи останавливаться предъ такими событіями, при созерцаніи которыхъ сжимается сердце, недоумѣваетъ мысль, замолкаетъ слово? Вотъ, предъ нами—цвѣтушій, идеально-настроенный, богато-одаренный юноша; онъ любить жизнь, жаждетъ дѣятельности, готовъ отдать все свои силы на служеніе ближнимъ; окружающія лица сосредоточиваютъ на немъ свои свѣтлыя надежды. Отрадно смотрѣть на такого юношу!... Но... какъ кратковременна наша радость! Нежданно-негаданно поражаетъ молодую жизнь злой недугъ и—*гдѣ есть мірское пристрастіе? гдѣ есть привременныхъ мечтаніе?* Юноша умираетъ въ самомъ расцвѣтѣ своихъ свѣтлыхъ надеждъ и бодрыхъ порывовъ... И жи-

мается сердце при видѣ свѣжей могилы, скрывшей молодую, много общавшую жизнь, и въ душу тѣснится тревожный вопросъ: зачѣмъ же это?!.. Предъ нами зрѣлый мужъ, любящій отецъ и попечительный руководитель большой, тѣсно сплоченной семьи, добросовѣстный труженикъ, бодрый и энергичный, вдыхающій жизнь въ окружающую среду. Всматриваясь въ эту личность, вы отдыхаете душой, и съ отрадой говорите: вотъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыми сильно наше общество, красна наша жизнь. Но вотъ—приходитъ извѣстіе о внезапной кончинѣ того, кому, по вашимъ расчетамъ, слѣдовало бы жить и жить,—и снова сжимается ваше сердце, и снова звучать въ вашей душѣ неотступные, мучительные вопросы: что же это такое? зачѣмъ? есть ли какой-либо смыслъ въ нашей жизни, хрупкой, скоротечной, готовой погаснуть каждую минуту, подобно пламени свѣчи, зажженной при сильномъ, порывистомъ вѣтрѣ? есть ли смыслъ въ смерти, отнимающей у дѣтей—нравственную опору, у общества—полезнаго дѣятеля? „Что это за жизнь?!—восклицаете вы, какъ нѣкогда св. Григорій Богословъ,—воспрянувъ изъ гроба, иду къ другому гробу“...

Отъ жизни частнаго человѣка вы переходите къ жизни человѣчества: въ окидываете своимъ взоромъ всю міровую жизнь,—и снова наталкиваетесь на тревожное „зачѣмъ“? Тамъ разрушительное землетрясеніе отняло у однихъ—жилище, у другихъ—самую жизнь... Здѣсь грохочутъ пушки и льется кровь христіанскихъ народовъ, враждующихъ другъ съ другомъ; тамъ цѣлыя области страдаютъ отъ голода, здѣсь опустошительная болѣзнь подкашиваетъ жизнь множества людей безъ различія возраста и состоянія. Зачѣмъ же все это? зачѣмъ?!...

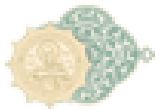

Сознавая свое безсиліе въ рѣшеніи этого мучительнаго, неотвязнаго вопроса, вы обращаетесь за отвѣтомъ къ наукѣ, но чѣмъ дальше въ наше время наука подвигается впередъ, тѣмъ настойчивѣе отказывается она отвѣчать на мучительное: *зачѣмъ?* оставляя на свою долю болѣе легкіе вопросы: *отчего? почему?* Наука съ точностію укажетъ вамъ причину какого-либо событія, но вы напрасно будете искать въ современной наукѣ разрѣшенія вопроса—зачѣмъ? Она не признаетъ его своимъ дѣломъ, она готова причислить самый вопросъ къ разряду праздныхъ, бесплодныхъ вопросовъ. А между тѣмъ наше сердце своимъ тревожнымъ біеніемъ протестуетъ противъ такого приговора и все ищетъ, все ждетъ отвѣта на томительный вопросъ...

Нынѣ мы собрались, братіе, въ сей святыи храмъ, чтобы съ благоговѣйнымъ трепетомъ сердца воспомнить великое, поразительное и страшное событіе, предъ которымъ тварь содрагалась и человѣчество скорбно недоумѣвало; мы собрались, чтобы печальноторжественными и возвышенно-трогательными церковными пѣснями прославить страданія, смерть и погребеніе нашего Спасителя. Предъ нами—изображеніе Христа, изъязвленнаго, поруганнаго, убитаго, лежащаго во гробѣ... Вся Его земная жизнь была непрерывнымъ служеніемъ человѣческому роду—и вотъ плата за это служеніе! Преисполненный любви къ падшему, страждущему человѣчеству, Онъ сошелъ съ неба на землю не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ (Мѡ. 20, 28). И началъ, и закончилъ Онъ свое общественное служеніе на землѣ дѣлами любви и милосердія: проходя грады вся и веси и видя толпы народа, Онъ, Милосердый, сжалился надъ

ними, яко бяху слятени и отвержени, яко овцы не илущыя пастыря (Мѡ. 9, 35—36); а предѣ Своими страданіями, зная, что пришелъ часъ Его перейти отъ міра сего къ Отцу, возлюбилъ своя сущыя въ мірѣ, до конца возлюбилъ ихъ (Іоан. 13, 1): Онѣ Своими пречистыми руками омылъ ноги ученикамъ—не рабамъ, а друзьямъ Своимъ (Іоан. 15, 15)—и раздѣлилъ съ ними тайную вечерю. Онѣ утѣшалъ скорбящихъ, исцѣлялъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ; Онѣ отдалъ жизнь Свою за спасеніе міра. Никогда—ни прежде, ни послѣ—не было и не будетъ сердца, до такой степени преисполненнаго любовію къ страждущему человѣку, потому что оно принадлежитъ Тому, Кто есть любовь (1 Іоан. 5, 16). И это сердце прободено копіемъ!... Онѣ, Святѣйшій, грѣха не сотвори, ни обрѣтется лѣстъ во устнѣхъ Его (1 Петра 2, 22): сами враги не дерзнули нарушить свое молчаніе, когда Онѣ—сама Истина (Іоан. 14, 6)—обратился къ нимъ съ такими словами: *кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ?* (Іоан. 8, 46); а когда фарисеи послали къ Господу служителей, чтобы схватить Его, тѣ возвратились съ такими словами: *никогда человекъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человекъ!* (Іоан. 8, 46). Такое неотразимое впечатлѣніе производила чистѣйшая личность нашего Спасителя даже на людей, Ему чуждыхъ! Не напрасно впослѣдствіи, когда уже начиналась ночь мученій, служители первосвященниковъ и фарисеевъ, приведенные Іудой предателемъ въ садъ Геосиманскій, чтобы наложить грѣшныя руки на Господа, невольно пали на землю, услышавши обращенныя къ нимъ слова: *Азъ есмь* (Іоан. 18, 5). И что же? Краснѣйшій добротою паче всѣхъ человѣкъ преданъ смерти мучительной, позорной! „Потемнѣли очи,—очи, которыя милосердо на всѣхъ призирали,—очи, отъ свѣтлаго взгляда кото-

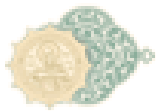
рыхъ радовались любящіе Его, утѣшались печальные, обращались къ покаянію грѣшные... Смолкли пресладкія уста, изъ которыхъ изливались слова, сладчайшія меда и сота. На Слово Божіе наложено молчаніе. Кто же утѣшитъ плачущихъ? кто словомъ исцѣлитъ больныхъ, воскреситъ мертвыхъ? кто скажетъ грѣшницѣ: отпускаются тебѣ грѣхи твои? Изъявлены руки,—руки, отъ прикосновенія которыхъ содрогалася смерть... Изъявлены ноги,—ноги, которыя омыла слезами явная грѣшница и за то получила отпущеніе многимъ грѣхамъ своимъ“ (изъ соч. святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго)... Братіе! Не содрогается ли ваше сердце при видѣ кровавыхъ язвъ на пречистомъ тѣлѣ нашего Спасителя? не недоумѣваетъ ли ваша мысль предъ такими вопросами: зачѣмъ эти тяжкія страданія? зачѣмъ эта позорная смерть?

Такіе вопросы смущали и ближайшихъ учениковъ Христовыхъ. Спустя три дня послѣ смерти Божественнаго Учителя двое изъ нихъ шли изъ Іерусалима въ Эммаусъ. Путники бесѣдовали о своемъ Учителѣ: *какъ предали Его первосвященники и начальники іудейскіе для осужденія на смерть, и распяли Его. А мы надѣялись-было,*—разсказываютъ ученики Христовы присоединившемуся къ нимъ спутнику,—*что Онъ есть Тотъ, Который долженъ избавить Израиля* (Лук. 24, 20—21). И они недоумѣвали предъ тайною искупительныхъ страданій, и они не могли понять позорной смерти Избавителя Израилева. Тогда таинственный спутникъ—это былъ Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ—сказалъ имъ: *Не такъ ли надлежало пострадать Христу и войти въ славу Свою. И, начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ имъ сказанное о Немъ во всѣхъ Писаніи* (Лук. 24, 26—27). Тогда отверзлись у нихъ очи—и стало имъ ясно, зачѣмъ

Сынъ Божій сошелъ на землю, воплотился, страдалъ, умеръ и воскресъ изъ мертвыхъ...

Братіе! если бы въ комъ-либо изъ насъ, стоящихъ у гроба Божественнаго Страдальца, въ глубинѣ опечаленной и смущенной души невольно зародилось недоумѣніе предъ ужасными земными событіями этого дня, совершившимися по устроенію Промысла небеснаго, то не въ уясненіяхъ отъ ума человѣческаго, хотя бы и глубокихъ, а въ Словѣ Христа, во всемъ, сказанномъ въ священномъ Писаніи объ Немъ, въ ученіи Церкви найдетъ онъ разъясненіе для своего ума, успокоеніе для своего сердца. *Совѣты Божіи не суть якоже совѣты человѣческіе, ниже якоже путіе человѣческіе, путіе Божіи.* Приникнемъ же нашею мыслію къ тѣмъ божественнымъ глаголамъ, которые изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ возвѣщаются въ святой православной церкви,—и мы узнаемъ, что потрясающее наше сердце событіе совершилось во исполненіе воли Божіей, предопредѣлившей его прежде сложенія міра. Вотъ почему апостолъ Петръ называетъ Христа *агнцемъ непорочнымъ, предувѣдѣннымъ прежде сложенія міра, явльшимся же въ послѣдняя лѣта насъ ради* (1 Петр. 1, 19—20). Милосердый Господь, зная, въ какую бездну страданій и бѣдъ погрузилъ себя человѣкъ, преступивъ волю Божію, предавшись своимъ страстямъ, позабывъ о своей подлинной родинѣ—царствѣ Божіемъ,—сжалился надъ нимъ и опредѣлилъ послать на землю Сына Своего—*взыскати и спасти погибшаго* (Мѡ. 18, 11). *Се иду... сотворити волю твою, Боже* (Евр. 10, 7),—таковъ былъ отвѣтъ Сына Божія на Отчее опредѣленіе о Немъ. И сошелъ Онъ на землю, чтобы *дати душу свою избавленіе за многихъ* (Мѡ. 20, 28), чтобы возвѣститъ человѣку истину (Іоан. 18, 37), чтобы положить на землѣ начало новой—святой и

богоугодной---жизни, чтобы возвратить намъ утраченное отечество—царство Божіе, къ которому неудержимо стремится человѣческая душа даже среди своихъ паденій, о которомъ тоскуетъ даже среди земныхъ радостей и утѣхъ... Такъ любовь Сына Божія къ падшему, изстрадавшемуся человѣку низвела Его на землю и пригвоздила ко кресту: крестъ и смерть—высшее обнаруженіе неизреченной любви Христовой...

Будучи свидѣтельствомъ божественной любви, гробъ Христовъ становится для насъ неоскуднымъ источникомъ ободренія и утѣшенія въ борьбѣ со страстями и въ перенесеніи житейскихъ невзгодъ: онъ говоритъ намъ о томъ, что нашею жизнію управляютъ не слѣпныя стихійныя силы, равнодушныя къ добру и злу, а высшее разумно-нравственное Существо, премудрое и благое, любящее добро и ненавидящее зло, призирающее на человѣка Своею милостію не только въ его невинности, но и въ его паденіи. Онъ говоритъ о божественномъ промыслѣнн о насъ,—о томъ, что даже волосъ на головѣ нашей не можетъ упасть безъ воли Отца Небснаго. Умираетъ ли юноша, покидаетъ ли зрѣлый мужъ этотъ міръ, чтобы перейти въ другую невѣдомую область,—все это совершается по опредѣленію воли Божіей, благой и премудрой. Пусть эта воля по временамъ остается для насъ непонятной, загадочной! Это—въ порядкѣ вещей: далеко отстоятъ мысли Божіи отъ мыслей человѣческихъ, и не человѣческому уму пытаться постигнуть во всей полнотѣ неизслѣдимую глубину ума божественнаго (Исаи 55, 8—9; 40, 13; Римл. 11, 34)! Тяжкою печалью состраждетъ душа наша невинному Страдальцу. Но и глубокою радостію наполняется сердце наше при взорѣ на Распятаго Богочеловѣка. На крестѣ Христовомъ—наша крѣпкая увѣренность; во гробѣ

Его—наша твердая надежда. И молясь вмѣстѣ со всею Церковью у гроба Спасителя о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и временахъ мирныхъ, о себѣ самихъ и о ближнихъ, о живыхъ и умершихъ, и предавая себя самихъ, и другъ друга, и весь животъ свой Христу Богу, *милосердія ради себе истощившему непреложно и до страстей безстрастно преклонившемуся*, мы въ этой преданности волѣ Божіей можемъ находить ободреніе и утѣшеніе среди тяжкихъ испытаній душевныхъ и страданій тѣлесныхъ, подражая тому древнему праведнику, о которомъ не престаешь напоминать намъ церковь во дни страстной седмицы: лишившись имущества, дѣтей, праведный Іовъ, *падъ на землю, поклонися Господеву и рече: Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеву изволися, тако бысть: буди иля Господне благословено во вѣки* (Іова 1, 21).

Приидите же къ сему гробу вси скорбящіи и озлобленніи, милости Божіей и помощи требующіи! Сложите у ногъ Божественнаго Страдальца ваши сомнѣнія и тревоги, скорби и огорченія; научитесь у Него безропотному несенію выпавшаго на вашу долю креста; у Его гроба ищите обновленія своихъ силъ для дальнѣйшаго шествія по вашему жизненному пути. Тяжелъ вашъ крестъ, тернистъ вашъ путь, но вы—не одиноки на немъ: по этому пути прошелъ Божественный Крестоносецъ-Христосъ. *Самъ искушенъ бывъ*, Онъ всегда готовъ и вамъ *искушаемыи помози* (Евр. 2, 18). Правда, крестный путь ведетъ на Голгофу, на которой Христосъ былъ распятъ, на которой—въ изнеможеніи—Онъ воззвалъ къ Отцу Своему небесному: *Боже мой, Боже мой! вскую мя еси оставилъ?* (Мѣ. 27, 46); однако не бойтесь послѣдовать за Христомъ и на гору страданій: на этой горѣ побѣждена смерть; на этой горѣ благоразумный разбойникъ услышалъ

сладчайшія слова: *днесь со мною будещи въ раи* (Лук. 23, 24). Кто шелъ за Господомъ по пути страданій, тотъ пойдетъ за Нимъ и по пути славы. *Вѣрно слово: аще съ Нимъ умрехомъ, то съ Нимъ и оживемъ: аще терпѣли, съ Нимъ и воцаримся* (2 Тим. 2, 11—12).

Но, почерпая для себя утѣшеніе у сего гроба, не забудемъ, братіе, и того, что и мы повинны въ страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа: Онъ пострадалъ, чтобы избавить насъ отъ страданій,—Онъ умеръ, чтобы освободить насъ отъ смерти; мы своими грѣхами уготовали Ему, безгрѣшному, мучительную Голгофу. Не забудемъ, братіе, того, что каждый разъ, когда мы, хотя бы на время, оставляемъ Христа, преступаемъ Его волю, мы наносимъ новыя раны нашему возлюбленному Спасителю, мы вторично распинаемъ Христа. Вотъ Онъ—предъ нами, измученный, изъязвленный. Кто изъ насъ осмѣлится сказать, что не повиненъ въ этихъ страданіяхъ, что не растравлялъ этихъ мучительныхъ язвъ? кто не удѣлялъ больше времени и силъ изысканіямъ въ области бытія преходящаго, нежели испытанію Писаній, нежели углубленію въ ученіе церкви? кто не предпочиталъ порой свѣтскихъ развлеченій трогательнымъ обрядамъ церковнымъ? кто не заботился о своемъ спокойствіи больше, нежели о благѣ своихъ ближнихъ? всегда ли мы были готовы облегчить чужія страданія, подобно милосердому самарянину? нѣтъ ли и нашей доли въ тѣхъ слезахъ, въ той крови, которая до сихъ поръ продолжаютъ вопіять отъ земли на небо? Поставить себя предъ лицомъ этихъ вопросовъ—страхъ объемлетъ душу: въ этихъ ранахъ, въ этой крови, въ этой ужасной смерти есть и моя доля! Страшно!...

Да, братіе, страшно; но да избавить насъ Богъ отъ унынія! Вспомнимъ, что въ нашемъ самоосужденіи -- наше оправданіе. „Въ ту минуту, какъ мы скажемъ съ сокрушеннымъ сердцемъ: Господи! и мы виновны въ Твоихъ страданіяхъ,—на небѣ изрекается намъ прощеніе. Только не забудемъ прибавить: виновны—не будемъ болѣе“! (Изъ поученій преосвящ. Теофана-затворника). Раскроемъ же предъ Господомъ наши душевныя язвы, у этого гроба дадимъ себѣ слово внимательнѣе прислушиваться къ голосу совѣсти, провѣрять его чтеніемъ Слова Божія, ученіемъ церкви, дадимъ себѣ слово бороться съ своими страстями, будемъ молить нашего Спасителя и Господа о помощи--и тогда мы отойдемъ отъ сего гроба съ облегченнымъ сердцемъ, съ запасомъ новыхъ силъ для борьбы съ самими собою и съ внѣшними соблазнами. О, Господи, пострадавый за насъ! помоги намъ сохранить нашъ умъ—правымъ, наше сердце—чистымъ даже до послѣдняго издыханія, и если кто-либо изъ насъ снова уклонится съ Твоего пути на путь грѣха и гибели—прежде, нежели въ землю возвратится, сподоби тому къ Тебѣ обратиться!

Такъ, братіе, если мы приступимъ къ святой плащаницѣ съ вѣрою въ Спасителя, съ рѣшимостью распять свою плоть со страстями и похотями,—мы отойдемъ отъ нея обновленными и укрѣпленными, и когда, черезъ два дня, по всему православному міру пронесется радостная вѣсть: „Христосъ воскрес“!—мы услышимъ въ глубинѣ своей души сладостный откликъ: „Воистину воскрес“ и отъ полноты трепещущаго радостью сердца воспоемъ вмѣстѣ съ церковію: *вчера спогребохся Тебѣ, Христе,—совосстаю днесь, во-*

*скрещу Тебѣ: срастинахся Тебѣ вчера—Самъ .ня спро-
слави, Спасе, во царствіи Твоемъ!*

Поклоняемся страстемъ Твоимъ, Христе, —пока-
жи намъ и славное Твое воскресеніе!

II. Кудрявцевъ.